

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.И. Шкаратан

СОЦИОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

*теория
и реальность*

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2012

УДК 316.34
ББК 60.56
Ш66

Рецензент:
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической социологии НИУ ВШЭ
В.В. Радаев

Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность [Текст] / О. И. Шкаратан ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 526, [2] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-0913-5 (в пер.).

Эта книга вышла в свет, когда в мире поставлены под сомнение доминировавшие в конце XX в. иллюзии об отмирании классов, о торжестве общества всеобщего благоденствия и процветающего среднего класса. Ход новейшей истории подтвердил бесспорный ренессанс обострившегося классового противостояния, возрастающие масштабы неравенства людей, сжатие шансов для выходцев из социальных низов.

При анализе современной России учитываются особенности страны, связанные с ее принадлежностью к евроазиатской цивилизации. Обоснована идея формирования в ней неэтакратического общества, не являющегося подлинно буржуазным. Показано, что в России сложилась дуалистическая стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии.

Для широкого круга читателей — специалистов в области социальных и экономических наук, а также всех интересующихся проблемами современного мира и России. Книга может служить студентам и аспирантам в качестве учебного пособия при изучении проблем современного общества, его социальной структуры и стратификации.

УДК 316.34
ББК 60.56

ISBN 978-5-7598-0913-5

© Шкаратан О. И., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....8

Часть 1. Социальная система и социальная структура общества

Глава 1. Общество как социальная система 15

1.1. Складывание научных понятий «общество»,
«общность» 15

1.2. Базовые категории системного анализа
общества. Решающие события в формировании
современной теории систем 22

1.3. Т. Парсонс и его теория общества как социальной
системы. Развитие Р. Мертоном и Дж. Александером
теории Парсонса 26

1.4. Общество как сложная
самоорганизующаяся система 35

Глава 2. Социальная структура общества 44

2.1. Специфические черты социальной структуры..... 44

2.2. Социальные статусы и роли 54

2.3. Социальная группа. Социальная общность 59

2.4. Статистические и реальные группы..... 63

Литература к части 1 73

Часть 2. Социальная стратификация и социальная мобильность

Глава 3. Сущность социальной стратификации..... 79

3.1. Социальная стратификация
как научная категория..... 79

3.2. Функционалистский и структуралистский
подходы к стратификации 84

3.3. Критерии иерархии социальных групп..... 87

Глава 4. Типы стратификации в истории человечества	96
4.1. Параметры основных типов стратификационных систем	96
4.2. Стратификация информационных (постиндустриальных) обществ	114
Глава 5. Основные вехи становления теории социального неравенства.....	125
5.1. Идеи социального неравенства в общественной мысли до возникновения социологии	125
5.2. Теория классов К. Маркса и становление стратификационной теории	130
5.3. Макс Вебер: классический этап развития теории неравенства	137
5.4. Эмпирические исследования 1930–1970-х гг.: одномерная и многомерная стратификации.....	145
5.5. Функционалисты о социальной стратификации.....	162
5.6. Классы и слои в современной теории стратификации.....	167
Глава 6. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов.....	205
6.1. Сущность, типы и формы социальной мобильности.....	205
6.2. Экзогенные факторы социальной мобильности....	214
6.3. Динамика равенства шансов в обществе и первый этап развития теории социальной мобильности	221
6.4. Обрушение иллюзий. Классовая принадлежность и социальные притязания.....	226
Литература к части 2	241
Часть 3. Тип общества и характер неравенства в России	
Глава 7. Исторические факторы формирования советского и постсоветского обществ и стратификационной системы современной России	253
7.1. Исходные посылки оценки «влияния пройденного пути» на современную Россию.....	253

7.2. Особый тип социально-экономических отношений: государственная собственность, сословная система	257
7.3. Институциональная теория социально-экономического развития	262
7.4. Традиционные политические институты Московской Руси — России	265
7.5. Европа или Евразия: колебания исторического маятника	268
Глава 8. Основные концепции социального порядка и стратификации в обществах советского типа	274
8.1. Либеральная критика советской системы	274
8.2. Государственный капитализм и новый господствующий класс	280
8.3. Официальная формула «два класса + интеллигенция» и ее критика	286
8.4. Концепции неклассового характера обществ советского типа	290
8.5. Советская система как сословное корпоративное общество	294
8.6. Первые российские исследования стратификации советского общества	296
8.7. Развитие теории социального неравенства в период распада СССР	303
Глава 9. Социетальная система и социальная стратификация в СССР	312
9.1. Странности раннего советского «социализма»	312
9.2. Этакратизм как сущность советской социетальной системы	315
9.3. Властная иерархия	323
9.4. Управляемые социальные перемещения	330
Глава 10. Трансформация социетальной системы постсоветской России	336
10.1. Вводные замечания	336
10.2. Административный рынок и преприватизация	338
10.3. Приватизация и складывающийся социальный порядок	341

10.4. Неоэтакратизм как социально-экономическая система современной России	353
10.5. Основные этапы становления неоэтакратизма....	363
Глава 11. Формы социального неравенства в современной России	368
11.1. Концептуальные основания анализа социально-экономического неравенства в России	368
11.2. Социально-профессиональные группы как псевдореальные.....	371
11.3. Реальные (гомогенные) социальные группы.....	378
11.4. Потери человеческого капитала в 1990-е и 2000-е гг.: сравнительный анализ данных опросов 1994 и 2006 гг.	392
Глава 12. Динамика уровня жизни и положение социальных низов	396
12.1. Вводные замечания.....	396
12.2. Динамика уровня жизни.....	398
12.3. Стратегии выживания критических групп	405
12.4. Социальные низы и политика неономенклатуры	411
Глава 13. Российская псевдоэлита и ее идентификация в мировом и национальном контекстах	420
13.1. Формирование высших слоев постсоветского общества	420
13.2. Компрадоры как ядро российской элиты.....	427
13.3. Медитократизм российской элиты	434
Глава 14. Средние слои: на пути к информационному среднему классу?	447
14.1. Состояние исследований по проблеме нового среднего класса на Западе.....	447
14.2. Дебаты о среднем классе в России	453
14.3. Проблемы мелких собственников и предпринимателей в современной России	462
14.4. Основные характеристики профессионалов и менеджеров в сфере занятости	470

14.5. Новый средний класс и информациональные работники в современной экономике России	477
Глава 15. Процессы социальной мобильности в современной России	486
15.1. К методологии исследования	486
15.2. Карьерная мобильность.....	490
15.3. Характер и тенденции карьерной мобильности в современной России.....	499
Литература к части 3	508
Заключение	520

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге рассматривается ключевая проблема развития любого общества — проблема его социальной структуры, социальных различий и социального неравенства, социальных иерархий. Как подчеркивал выдающийся американский социолог Т. Парсонс, именно проблема социальной структуры является той областью социологии, на которую не притязают другие науки. При этом ядром изучения выступают социальная иерархия и поведение неравных по положению в обществе людей. Мы принимаем как аксиому исторически обусловленное неравенство людей в прошлом, настоящем и будущем, но показываем возможные при разных формах организации общества масштабы этого неравенства, характер его воспроизводства, степень открытости общества и шансы для продвижения вверх по социальной иерархии выходцев из социальных низов.

Надо заметить, что в исследованиях по проблемам социального неравенства после качественного продвижения на протяжении 1920—1980-х гг. в мировой социологической науке с конца XX в. наступила пауза, заполненная добротными эмпирическими изысканиями с расширением географии их проведения, но без новых концептуальных откровений. Споры неомарксистов и неовеберянцев все в большей мере стали носить узкопрофессиональный характер, не вызывая активного отклика у читателей. По-прежнему доминирует европоцентристский подход, игнорирующий цивилизационное разнообразие социального неравенства. Отсутствуют теории, объясняющие системы социальных неравенств в мире, разделенном на глобальную информационную и старую индустриальную экономики. Нет сложившихся и признанных в научном сообществе концепций, объясняющих процессы трансформации социальных иерархий в постсоциалистических обществах, отнюдь не во всех случаях движущихся по направлению к капитализму (см., например: [Lane, 2007]).

Последний глобальный кризис конца 2000-х гг. вновь выдвигает подобно событиям 1968 г. на первый план, казалось бы, поблекшие со временем слова «неравенство», «социальная справедливость», «равенство шансов», «социальные лифты». И так же, как в 1980-е гг., на смену увлеченности политикой welfare state пришла неолиберальная политика, апогей которой пришелся на 1990-е гг. и которая вызвала резкое обострение социального расслоения, так и на смену американскому неоконсерватизму и европейскому неолиберализму ныне приходят силы, ставящие под сомнение стабильность системы. И перед исследователями и аналитиками встает вопрос, как содействовать минимизации социальных конфликтов и увеличить шансы на национальную и глобальную солидарность.

Поэтому сохраняется острая потребность в целостном, систематическом и основанном на новейшем социально-теоретическом знании анализе проблем социального неравенства в современном мире, в котором реалии конкретных обществ рассматривались бы во взаимосвязи с глобальными политическими, экономическими и социокультурными трансформациями всего человечества.

Все разделы книги строятся на исходных для классической традиции в социологии представлениях об обществе как развивающейся системе и о социальной дифференциации как перводвигателе социальных изменений. Важное место занимает сравнительный анализ современных концепций и сформировавшихся теорий социального неравенства, развитых выдающимися социологами разных идейно-творческих направлений, приводятся статистические и дескриптивные данные, признанные надежными в академических кругах. На этой основе раскрывается разнообразие исторически существовавших систем неравенства, дан очерк развития и современного состояния теорий стратификации. Реальные системы социально-экономических неравенств проанализированы на основе выявления реальных групп как обладателей определенных ресурсов. В их состав входят экономические ресурсы (владение землей, предприятиями, рабочей силой и т.д.), политические (власть в обществе, на рабочем месте и т.д.), социальные (доступ к статусным социальным сетям, ассоциациям

и клубам), престижные («хорошая репутация», уважение и унижение, этническая и религиозная чистота), человеческий и культурный капитал.

Вторая половина книги — результат многолетних размышлений и исследований автора по проблемам развития России и особенно по всем сюжетам, связанным с обострившимся неравенством между властвующим и имущим меньшинством и основной частью народа, существующей в бедности или на грани бедности. Все мечтания о быстро возрастающем и достойно живущем среднем классе, особенно так называемом новом среднем классе, всякий раз обрываются с наступлением очередного кризиса в экономике.

Примерно до 1997 г. автор этих строк был твердо убежден, что, несмотря на все объективные трудности и ошибочные действия властей, в стране идет процесс становления конкурентной рыночной экономики и демократического общества. Наш вывод в книге, написанной совместно с В.В. Радаевым в 1996 г., звучал так: «Переход от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации совершается с исключительной быстротой. Властные отношения все в большей мере уступают собственническим» [Радаев, Шкаратан, 1996, с. 312]. В этом контексте мы рассматривали, в частности, и вопрос о среднем классе и его перспективах, полагая, что происходит болезненный процесс «...перехода от принадлежности к размытой межслоевой группе — интеллигенции — к вхождению в состав профессионалов как ядру будущего среднего класса» [Там же, с. 306].

Однако общественное устройство современной России шаг за шагом все в большей мере проявляло себя как прямое продолжение существовавшей в СССР этатристической системы, социальная дифференциация при которой имела неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии, носила сословно-слоевой характер. Отсюда и весьма специфические условия жизнедеятельности всех социальных слоев, их

несформированность как классовых субстратов в обществе со столь нетривиальными социально-экономическими отношениями.

На основе повторных представительных социологических опросов, охвативших большую часть постсоветского периода, в контексте цивилизационного и историко-экономического подходов обоснована идея формирования в стране неоэтакратического общества, не являющегося подлинно буржуазным. Показано, что в России сложилась специфическая дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая — продукт отношений, складывающихся на рынке труда. В книге раскрыты процессы формирования национальной властвующей элиты, групп крупных собственников, средних слоев и социальных низов, проанализированы институциональные и социокультурные факторы возможных векторов развития социального неравенства в России.

При анализе проблемы социально-экономической стратификации в современной России учитываются как общемировые тенденции, так и специфические особенности страны, связанные с ее принадлежностью к трансформирующимся обществам и евроазиатской цивилизации. Читатель получает возможность ознакомиться со статистическими данными относительно российской стратификации доходов и образования, со сведениями из представительных исследований сословно-слоевых и социально-профессиональных иерархий российского общества, а также отдельных социальных групп как в целом по стране, так и по отдельным регионам.

Предлагаемая читателю книга не является модификацией дважды изданного учебного пособия «Социальная стратификация» (М.: Наука, 1995; Аспект Пресс, 1996), которое было написано автором совместно с В.В. Радаевым. Это пособие за прошедшие годы постоянно цитировалось в обществоведческой литературе и до сих пор используется в учебном процессе в университетах России. Однако за прошедшие полтора десятилетия оно порядком устарело. Мир так стремительно ме-

нялся за эти годы, что любое, даже самое безукоризненное изложение проблематики неравенства потребовало бы серьезных коррективов. К тому же следует иметь в виду, что книга была первой по данной проблеме для российского читателя, и в ней, по крайней мере в главах, написанных автором этих строк, видны серьезные пробелы, связанные с новизной проблематики и недостаточным знанием ситуации в мировой науке. Тем не менее, конечно, определенная преемственность в изложении принципиальных положений и оценок сохранилась.

На протяжении последних 15 лет были прочитаны курсы лекций с несколько менявшимися названиями, но с общим замыслом и логикой изложения по вопросам социального неравенства/социальной стратификации. Обсуждение весьма непростых проблем со студентами социологического и экономического факультетов ВШЭ стимулировало продвижение в понимании и самим автором сущности неравенства в мире и особенно в России.

Курс лекций включает значительные разделы, которые не вошли в данную книгу. Речь идет о таких значимых проблемах социальной дифференциации, как: гендерная и возрастная структуры; организационно-управленческая структура общества и образующих ее организаций; секторально-отраслевая структура; социально-пространственная структура (историко-культурные области, социально-экономические регионы, городские агломерации, города и села); этнорасовая структура. Предполагаю, что эти сюжеты составят в будущем содержание самостоятельной книги.

В подготовке книги мне неоценимую помощь и поддержку оказал мой ученик и ближайший сотрудник последних лет канд. социол. наук Г.А. Ястребов. Выражаю ему свою самую глубокую признательность.

О.И. Шкартан

Часть 1

**СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА
И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ОБЩЕСТВА**

ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Складывание научных понятий «общество», «общность».

Базовые категории системного анализа общества. Решающие события в формировании современной теории систем.

Т. Парсонс и его теория общества как социальной системы.

Развитие Р. Мертоном и Дж. Александером теории Парсонса.

Общество как сложная самоорганизующаяся система.

1.1. Складывание научных понятий «общество», «общность»

Что же такое общество? Как ни странно, с этим основным для социологов понятием (ведь социология — это наука об обществе) связаны сплошные недоразумения и многопоколенные дискуссии. Крупнейшие социологи (Э. Гидденс, Н. Луман и др.) отмечали трудности концептуализации данного понятия, его недостаточную изученность [Гидденс, 1993, с. 57–82; Луман, 1999а, с. 196–235]. А И. Валлерстайн скептически относился к познавательным возможностям самого понятия «общество» из-за его многозначности, абстрактного характера и трудностей использования в практике; «общество — это половина противоречивого тандема, другой частью которого является государство» [Wallerstein, 1987, р. 316–317]. Но у нас нет другого выхода, кроме как попытаться выйти из этой ситуации.

Первая проблема, которую следует решить, — что мы примем за родовое понятие по отношению к обществу как видовому понятию, т.е. по отношению к чему более общему общество выступает как частный случай, как частное явление? По-видимому, вполне оправданно считать таким более общим понятием человеческое объединение. Ведь в жизни мы наблюдаем самые разные объединения людей: первое из них — по-

пуляция, т.е. объединение по природным взаимодействиям людей; другое — возникающее в результате эмоционального взаимодействия — назовем его условно (это не очень удачный, уже занятый термин) общением. Властно-правовое взаимодействие людей порождает государство. И наконец, деятельностное взаимодействие людей, т.е. их обмен результатами деятельности (например, разделение труда), порождает общество.

Следующий момент — отделение общества от его составных частей, также носящих его основные свойства. Это особенно относится к территориальным общностям. Говоря об обществе, скажем, российском или японском, мы имеем в виду что-то другое, чем, например, некая добровольная ассоциация людей или общин, где тоже происходит обмен результатами деятельности, где люди тоже дополняют действия друг друга. Разграничение с общиной особенно важно. По Ф. Теннису, последняя предполагает органическое единство людей, единство целей и интересов, взаимодействие, личный контакт, способность отстаивать свои групповые интересы; сходство и единение в общине сильнее, чем вне нее. Примерами общностей — общин являются деревенские сообщества, клубы по интересам и т.д. Другими словами, это такие объединения людей, в которых они (люди) как бы живут одной жизнью. Общество же строится на «механической» связи, на рациональном расчете взаимодействующих индивидов [Теннис, 2002; Чеснокова, 2007, с. 90–105].

В научных кругах преобладали два взгляда на общество: во-первых, как на простую совокупность людей, во-вторых, как на целостное образование — организм. Мы присоединяемся к тем авторам, которые принимают общество за целостное образование, имеющее свою жизнь, не сводимую к существованию составляющих его людей, особый субъект, развивающийся по своим только ему присущим законам. Еще К. Маркс писал: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех идей и отношений, в которых эти индивиды относятся друг к другу» [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. 1, с. 214]. Убежденным сторонником такого подхода к обществу был выдающийся французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858–1917). Он настаивал на том, что общество представляет внеиндивидуальную и надиндивидуальную реальность, не сводимую к другим ее видам, включенную в

универсальный природный порядок. «...Общество — не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами. ...индивид испытывает давление постоянно существующего общества, где к действию современников присоединяется действие предыдущих поколений и традиций!» [Дюркгейм, 1991, с. 493, 496]. Крупнейший британский социолог XIX в. Герберт Спенсер (1820–1903), подчеркивая отличия общества от животных организмов, называл его социальным организмом. «...В социальном организме, как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних» [Спенсер, 1898, с. 284]. Спенсер понимал общество как квазиорганизм, в котором его подсистемы выполняют необходимые функции по сохранению общественного целого. Этот подход находит продолжение в функционализме XX в.

Основоположник структурно-функциональной теории выдающийся американский социолог Толкот Парсонс (1902–1979) считал, что при определении общества применим критерий, предложенный еще Аристотелем. Общество — это тип социальной системы, который достигает наивысшего уровня самодостаточности по отношению к окружающей среде. Это видение общества контрастировало с широко распространенным взглядом на него как на композицию конкретных человеческих индивидуальностей. Приняв такое понимание общего критерия самодостаточности, Парсонс разделил его на пять субкритериев, каждый из которых относится к одной из пяти сред социальной системы — общества: высшей реальности, культурным системам, системам личности, поведенческим организациям, физико-органическому окружению. Самодостаточность общества суть функция от сбалансированной комбинации контроля общества над его отношениями с этими пятью средами и над его собственной внутренней интеграцией [Parsons, 1966, p. 9].

Развивая подход Т. Парсонса к обществу, американский социолог Эдуард Шилз отмечал, что понятие «общество» применимо к любой исторической эпохе, любому по численности объединению (группе) людей, если это объединение отвечает следующим признакам:

1) объединение не является частью какой-либо более крупной системы (общества), оно суверенно по отношению к другим суверенным объединениям людей (обществам). Особым условием существования общества как общества (в отличие от общины) является самостоятельность: саморегулирование, самовоспроизводство, самозарождение. По Т. Парсонсу, оно «обладает наивысшей степенью самодостаточности». В то же время полная самостоятельность не является необходимым предварительным условием определения социальной системы как общества. Все общества современного типа экономически взаимозависимы, их культуры не вполне самобытны;

2) оно имеет территорию, которую считает своей собственностью;

3) оно пополняется преимущественно за счет детей тех людей, которые являются его признанными представителями;

4) у него есть собственное название и своя собственная история, т.е. такая история, в которой многие его взрослые члены или большинство таковых видят историческое объяснение их связей со «своим собственным прошлым»;

5) общество — это не просто совокупность объединившихся людей, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под общей (центральной) властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной границами, поддерживает и насаждает более или менее общую культуру;

6) его объединяет общая система ценностей (обычаев, традиций, норм, законов, правил, нравов), которую называют культурой. Каждое общество приобретает наряду с центральной системой власти центральную культурную систему. Происходит это в силу того, что создатели культуры «сплошь и рядом непосредственно касаются в своих религиозных проповедях или философских рассуждениях, в своих литературных трудах или произведениях изобразительного искусства фактов и символов центральной власти». В то же время какую-то часть своей культуры общество разделяет с другими обществами, с которыми поддерживает отношения. Культурная система имеет свою собственную институциональную систему — школы, университеты, церкви и т.д.;

7) объединение существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида;

8) браки преимущественно заключаются между представителями данного объединения.

Каждое общество может быть представлено как состоящее из центра и периферии. Центр образуют институты, которые осуществляют власть (экономическую, административную, политическую, военную, культурную). Периферия складывается из таких сегментов (секторов) общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них. Все общества, имеющие обширную территорию, обычно обладают и пространственным центром, который является местоположением центральной институциональной системы.

Таким образом, в рамках предложенного подхода обществом следует называть самую крупную группу, в которой только приходится жить людям и в которую включаются все другие группы [Шилз, 1972, с. 341–359].

Многие современные социологи также обосновывали принцип несводимости общества к образующим его людям. Среди них обращает на себя внимание представитель так называемого реалистского направления — британский социолог Рой Бхаскар. Он подчеркивал, что разнообразные школы общественной мысли можно трактовать как принадлежащие к одному из двух лагерей. В одном, представленном М. Вебером и его последователями, социальные объекты рассматриваются как результаты целенаправленного человеческого поведения. В другом, представленном Э. Дюркгеймом и его последователями, они видятся как обладающие собственной жизнью, внешней и принудительной к индивиду. Р. Бхаскар присоединяется к позиции Дюркгейма и в подкрепление приводит высказывание К. Маркса из его посмертно опубликованных рукописей, процитированное выше [Бхаскар, 1991, с. 225].

По мнению Бхаскара, общество не существовало бы без человеческой деятельности. Но уже неверно говорить, «что субъекты творят общество. Скорее, надо бы сказать: они *воспроизводят* или *преобразуют* его; т.е. если общество всегда предстает уже созданным, “готовым”, тогда любая... человеческая практика... может только изменить его» [Там же, 1991,

с. 227]. Другими словами, по Бхаскару, общество не существует независимо от человеческой деятельности, но оно и не продукт ее. «Общество... обеспечивает необходимые условия для целенаправленного... человеческого действия, и целенаправленное человеческое действие есть необходимое условие жизни общества. Общество существует только в человеческом действии, но человеческое действие всегда выражает и использует ту или иную социальную форму» [Там же, 1991, с. 229].

Изложенный подход к определению общества выражает позицию сторонников структурализма. В рамках этого направления социологической мысли прежде всего сохраняет свое значение организмическая теория общества, т.е. общество рассматривается как социальный организм, развивающийся по специфическим законам. Эти законы, в том числе и законы функциональной взаимосвязи между частями социального целого, равно как и закономерности перехода от одного состояния организма (или системы) к другому есть социальная реальность, которая проявляется в поведении индивидов, направленном на адаптацию человека к объективным социальным изменениям. Таким образом, индивид в рамках структурно-функциональной концепции рассматривается сквозь призму процессов социализации, девиантного поведения и социального контроля. Власть же понимается не только как средство социального контроля, но и как важнейший ресурс общества, используемый — функционально или дисфункционально — в целях адаптации частей к закономерно изменяющемуся целому.

В этой социологической традиции общество описывается через структурные категории различного типа — классы, слои, страты. Наличие этих компонентов в обществе есть социальная реальность (а не плод воображения), и эта реальность по отношению к каждому индивиду оборачивается совокупностью ниш (или предуготованных социальных ролей), в составе которых с известной долей вероятности и пройдет его жизнь.

Попутно заметим, что в рамках другого варианта традиционной социологической мысли — символического интеракционизма (который автор этой книги не приемлет) — социальная реальность связывается с нормативно-ценностными структурами, и, следовательно, в контексте отношений «общество —

индивид» подчеркивается не идея предоставляемых ниш (социальных ролей), а идея смыслов-значений, которые станут составляющими конструирования и интерпретации собственного жизненного положения и личной биографии. Эта теоретическая модель представляет собой принципиальную оппозицию любым вариантам органицизма. Главный момент социальной реальности — взаимодействие индивидов. Причем сами индивиды рассматриваются в качестве социальных существ, обладающих способностью к производству символов. Любая социальная реальность представляет собой символическое пространство, где главным для субъекта оказывается то значение, которое придается соответствующим предметам, действиям, отношениям. Общество с этой точки зрения не есть ни географическая, ни демографическая, ни экономическая реальность, оно есть социальное пространство, в котором индивиды взаимодействуют на основе создаваемых и воспринимаемых ими символических значений. Сами эти символы — составляющие сложной картины мира, в них выражена общественная сущность человека, его способность руководствоваться в своем поведении социально значимыми ценностями, интересами, потребностями [Здравомыслов, 1999, с. 10–11].

В современном мире происходят изменения, которые во многих отношениях ставят под сомнение только что рассмотренные определения общества и систему его признаков. Во-первых, говоря об обществе, зачастую имеют в виду не один национально-государственный (социально-исторический) организм, а систему таких организмов, например Западную Европу или все чаще Европейский союз, или Арабский мир и т.д. Во-вторых, это связано с процессами глобализации и складыванием сетевого общества и сетевых предприятий во всем современном мире. Все это затрагивает само понятие общества, унаследованное социологией от прошлого и являвшееся на протяжении XIX и XX вв. центральным понятием у социологов. Как пишет И. Валлерстайн, анализ мировых систем превращает общество как единицу анализа в предмет споров. «Что же теперь представляют собой единства, внутри которых происходит социальная жизнь?» [Wallerstein, 1987, p. 317]. В рамках социологической теории приходится выбирать между двумя подходами: принятием

глобальной системы как совокупности локальных обществ или как единого мирового общества [Луман, 1999б, с. 128–143].

Итак, конкретные общества выступают как некие целостности, в рамках которых и происходит воспроизводство материальных средств существования и самого человека. В этом смысле мы называем данные целостности социальными организмами, поскольку их основной функцией является обеспечение вступающим в контакты людям необходимых условий для воспроизводства средств существования и самовоспроизводства.

В число таких условий входит единство территории, единство экономической жизни, общность языка (или наличие языка, служащего наряду с другими средством общения), единство социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющих группам людей устойчиво взаимодействовать, и т.д. Подобными социальными организмами — обществами в современном мире следует, видимо, признать национально-государственные общности, глобальную же систему мы будем рассматривать как совокупность локальных обществ. В отличие от других социальных совокупностей они охватывают взаимоотношения и взаимосвязи классов и иных социальных групп, выявляют в них общее, а не особенное. Их важнейшей функцией и является объединение социальных групп в некую целостность, в рамках которой могут осуществляться социальные взаимодействия, происходить социальные процессы.

1.2. Базовые категории системного анализа общества. Решающие события в формировании современной теории систем

Ключевым моментом в социологическом видении общества является рассмотрение его как социальной системы. Только на основе общей теории систем можно понять сущность и эмпирически изучить общество. *Общество — самоорганизующаяся, саморазвивающаяся, самодостаточная система, ее основное свойство — способность к самовоспроизводству.* Базовыми категориями системного анализа общества являются структура, среда, коммуникации, информация, обмен с внешней средой.

В социальной системе общества есть свое ядро, центр. Его образуют экономика, культура, стратификация, распределение ролей, престижей, статусов, наконец, политика и управление. Основными компонентами структуры общества выступают социальные институты, социальные организации и социальные группы (общности). Интегральными средствами влияния одних структур общества на другие служат ценности, нормы, электоральные ожидания, требования, властные предписания, социальные программы.

Обращение к истории системных идей можно начинать со знаменитого аристотелевского «целое больше суммы своих частей», продолжить кантовским убеждением, что истинной формой знания является его система. Никем не оспаривается определяющий вклад К. Маркса в изучение общества как системы. Он развил первую научную теорию общества как системы и выделил в качестве основных элементов социально-экономической системы производительные силы, производственные отношения, правовую и политическую надстройку. Рассматривая отношения власти и собственности, Маркс придал определяющее значение собственности. Его теория была ориентирована на объяснение динамики социальных отношений. В качестве системных факторов динамики социально-экономической системы он принимал насилие и конфликты, прежде всего классовые. Его теория конфликтов получила развитие в неомарксистской версии функционирования и развития социальных систем. Эти вопросы будут подробнее рассмотрены далее.

Лишь в XX в. произошли решающие события в становлении современного системного мышления. Специалисты выделяют три основных источника этого мышления:

1) тектологию¹, или «всеобщую организационную науку» Александра Александровича Богданова (Малиновского — по подлинной фамилии) (1873–1928). Теория сформулирована и опубликована в 1913–1917 гг;

2) общую теорию систем Людвиг фон Берталанфи (1945 г.);

3) кибернетику Норберта Винера (1948 г.).

¹ Тектология (от *греч.* tectonike) — строительное искусство.

Системность всеобщей организационной науки — ее наиболее существенное свойство. А.А. Богданов использовал термин «комплекс» в том значении, в каком ныне применяется понятие «система». Он его интерпретировал не просто как множество взаимосвязанных элементов, но и как процесс изменения их организации, обусловленный структурной связанностью комплекса и его окружения (теперь сказали бы — среды).

Для описания общественного порядка Богданов применил термин «социальная система». Общество, по Богданову, — это сочетание многих элементов, внешних (физическая природная среда, взаимодействие с другими обществами) и внутренних, среди которых решающая роль принадлежит группам, выполняющим функции управления, причем к числу равноправных факторов он относил и идеологию этих управляющих групп. Богданов был первым теоретиком управленческого класса, общества управляющих. Общество как система, по Богданову, демонстрирует состояние равновесия. Задача тектологии — превратить мир в организованное целое, «каким он реально не был» [Богданов, 1989].

Несмотря на глубоко системное содержание, тектология Богданова не оказала сколько-нибудь ощутимого влияния на формирование системного мышления второй половины XX в. Ни создатель общей теории систем Л. фон Берталанфи, ни основоположник кибернетики Н. Винер, судя по их работам, вероятно, не знали трудов Богданова.

Создатель общей теории систем Л. фон Берталанфи (1901–1972) был биологом-теоретиком. В конце 1940-х гг. он выдвинул программу построения общей теории систем, предусматривающую формулирование общих принципов и законов поведения систем независимо от их вида и природы составляющих их элементов и отношений между ними. Общая теория систем является наддисциплинарной научной теорией, созданной для теоретического и эмпирического изучения всех типов систем, включая физические, биологические, психологические и наконец социальные (семья, локальная общность, социальная организация, общество) [Bertalanffy, 1976; Исследования по общей теории систем, 1969, с. 23–82].

Эта теория предложила новые принципы познания и научно-практической деятельности. В ее развитие и обосно-

вание включились такие видные ученые, как А. Рапопорт, М. Месарович, У. Росс Эшби, Р. Акоф и др. [Исследования по общей теории систем, 1969]. После первых публикаций по общей теории систем термины «система», «структура», «связь», «отношение», «подсистема», «окружающая среда», «элемент», «целостность», «часть — целое», «управление» и связанные с ними вошли в число наиболее употребительных в науке и различных сферах практической деятельности. Стало очевидным, что эти понятия нельзя определить обособленно, независимо друг от друга, что все они образуют некоторую концептуальную систему, компоненты которой взаимосвязаны и в своей целостности задают представление о логическом каркасе системного подхода. Их применение разными авторами и в разных науках существенно отличается друг от друга — и не только по приписываемым им значениям, но и, что более важно, по лежащим в их основе содержательным и формальным принципам.

Следует подчеркнуть, что российские ученые внесли ощутимый вклад в развитие теории систем. Начиная с 1960-х гг. в России стали регулярно выходить специальные сборники по проблемам общей теории систем и ее приложений к изучению реальных объектов сложной природы. В 2009 г. вышел из печати 34-й ежегодник «Системные исследования». Мировое признание получили труды И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, А.И. Умова, Б.Г. и Э.Г. Юдиных и ряда других исследователей [Блауберг, 1997; Садовский, 1980; Умов, 1978; Юдин, 1997].

Один из основных создателей кибернетики Н. Винер (1894–1964) — математик. В 1948 г. он выпустил книгу под названием «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» [Винер, 1983], несколько позднее — книгу «Кибернетика и общество» [Винер, 1958]. Термин «кибернетика» (от греч. искусство управления) в современном понимании означает науку об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Это понятие ввел в научный оборот Винер в 1948 г. Речь шла о науке, рассматривающей процессы управления в сложных динамических системах и основанной на теоретическом фундаменте математики и логики, а также на применении средств автоматизации и компьютеров. Винер раскрыл сходство в обмене информацией, с одной стороны, между живыми орга-

низмами и внутри организма, а с другой — между машинами или в самой машине. В то же время необходимо принимать во внимание существенные различия между ними.

Кибернетические методы применяются при исследовании случаев, когда действие системы в окружающей среде вызывает некоторое изменение самой среды, а эти перемены сказываются на системе через обратную связь, что вызывает изменения в способе поведения системы. В исследовании этих «петель обратной связи» и заключаются методы кибернетики.

Как показал В.Н. Садовский, следует рассматривать (при применении системного подхода) общую теорию систем и кибернетику в их взаимосвязи. Это необходимо, в частности, при построении универсальных теоретических концепций, описывающих все возможные типы систем (общая теория систем) или общие свойства живых и неживых систем (кибернетика). В своем единстве эти два теоретических основания подводят к осознанию системно-управленческого характера всех важных для человечества практических проблем, прежде всего социальных [Садовский, 1996, с. 65, 68].

1.3. Т. Парсонс и его теория общества как социальной системы. Развитие Р. Мертоном и Дж. Александером теории Парсонса

Опираясь на общую теорию систем и теорию общих свойств живых и неживых систем (кибернетику), теорию общества как социальной системы развил выдающийся американский социолог Толкот Парсонс. Его труды стали событием в общественной мысли 1950–1960-х гг., они оказывают огромное влияние на теоретиков и аналитиков и в настоящее время. И поныне теоретической системе Т. Парсонса нет ничего равноценного по глубине и целостности [Парсонс, 1998; Parsons, 1966].

По мнению Т. Парсонса, научная социология начинается с того момента, когда общество рассматривается как система. По его убеждению, основоположником такого подхода к обществу был К. Маркс. Парсонс строит следующую теоретическую модель социальной системы. Широко развертывающиеся со-

циальные взаимодействия порождают сеть социальных отношений, организованную (гомеостазис) и интегрированную (равновесие) благодаря наличию общей ценностной ориентации (централизованной системы ценностей) таким образом, что она оказывается способной стандартизировать отдельные виды деятельности (роли) внутри себя самой и сохранять себя как таковую по отношению к условиям внешней среды (адаптация). Социальная система, следовательно, представляет собой систему социального действия, но лишь в самом абстрактном смысле слова.

Т. Парсонс писал по этому поводу: «Поскольку социальная система создана взаимодействием человеческих индивидов, каждый из них одновременно и деятель (actor), имеющий цели, идеи, установки и т.д., и объект ориентации для других деятелей и для самого себя. Система взаимодействия, следовательно, есть абстрактный аналитический аспект, вычлняемый из целостной деятельности участвующих в ней индивидов. В то же время эти “индивиды” — также организмы, личности и участники систем культуры» [Parsons, 1966, p. 8]. Парсонс справедливо отмечает, что его представление об обществе коренным образом отличается от общепринятого восприятия его как совокупности конкретных человеческих индивидов [Ibid, p. 9].

Любая система, в том числе и социальная, означает взаимозависимость, т.е. любое изменение в части системы сказывается во всей системе. Это общее понятие взаимозависимости может быть развито в двух направлениях.

Первое — необходимые условия, которые образуют иерархию обуславливающих факторов. Эти факторы таковы:

1) прежде всего, чтобы существовала (осуществлялась) человеческая деятельность, необходимы физические условия для жизни (существования) человека;

2) для существования общества необходимо существование индивидуумов. Пример Парсонса: если есть где-то в другой солнечной системе разумные существа, то они не такие, как мы, биологически и скорее всего поэтому и социальная жизнь у них другая;

3) отсюда следует, что третий уровень иерархии необходимых условий существования общества образуют психофизиологические условия;

4) наконец, четвертый уровень образует система норм и ценностей, существующих в данной совокупности людей — обществе.

Второе направление — это иерархия управления и контроля, иначе — иерархия контролирующих факторов. К обществу можно в этом отношении подойти как к взаимодействию двух подсистем, одна из которых обладает энергией, а другая — информацией. Первая — это экономика. Экономическая сторона в жизни общества обладает высокими энергетическими потенциями, но она может быть управляема людьми с идеями, не участвующими непосредственно в производстве, но организующими людей.

Здесь большое значение имеет проблема идеологии, ценностей и норм, которые обеспечивают контроль за обществом. Сам этот контроль существует, реализуется в сфере (подсистеме) управления. Здесь также значима проблема планируемого и непланируемого управления. Т. Парсонс считал, что именно политическая власть в обществе является тем обобщающим процессом, который контролирует все остальные процессы в обществе. Правительство — высшая точка кибернетической иерархии.

Общество как социальная система, по Парсонсу, характеризуется следующими пятью основными подсистемами:

1) организация политической власти. Всякая политическая власть прежде всего должна обеспечить контроль за происходящим на территории;

2) социализация, воспитание каждого индивида начиная с детства, контроль за населением. Это особенно важно в наше время, когда возникла проблема информационного господства, информационной агрессии;

3) экономическая основа общества — организация общественного производства и распределения между слоями населения и индивидами, оптимизация использования ресурсов общества прежде всего человеческого потенциала;

4) совокупность культурных норм, воплощенных в учреждениях, в другой терминологии — подсистема поддержания институциональных культурных образцов;

5) система коммуникаций.

Критерием общества как целостной системы является его самообеспечение, высокий уровень его самодостаточности по отношению к своему окружению.

Важное место в концепции общества Парсонса занимают *основные функциональные предпосылки выживания социальной системы*, к которым он относил:

- целенаправленность, т.е. стремление к достижению целей по отношению к окружающей среде;
- адаптивность, т.е. приспособление к влиянию окружающей среды;
- интеграцию действующих элементов, т.е. индивидов;
- поддержание порядка.

Относительно адаптации Парсонс высказывался неоднократно и в разных контекстах. По его мнению, адаптация — «это одно из четырех функциональных условий, которым должны отвечать все социальные системы, чтобы выжить». Он считал, что в индустриальных обществах потребность в адаптации удовлетворится посредством развития специализированной подсистемы — экономики. Адаптация — это путь, которым социальная система (семья, организация, национальное государство) «управляет средой своего обитания».

Интеграция (равновесность) социальной системы осуществляется на основе общей ценностной ориентации (централизованной системы ценностей). В связи с этим теоретическим конструктом Парсонса возникает проблема: все ли общества обладают централизованной системой ценностей, на всех ли этапах своего существования (воспроизводства)? А если нет, то каковы для них последствия? Так, относительно современного российского общества широко распространены суждения о его ценностной расколотости, о сосуществовании в нем разных ценностных систем, о его пограничном существовании в цивилизационном противостоянии «Запад — Восток».

Что касается такой функциональной предпосылки выживания социальной системы, как социальный порядок, то здесь Парсонс развивал идею М. Вебера, который считал, что порядок основывается на принятии и одобрении большинством населения одних и тех же ценностей и норм поведения, поддерживаемых эффективным социальным контролем.

Процесс изменений в социальной системе многофакторный и носит весьма сложный характер. Эти факторы относительно независимы друг от друга. Ни один из них не может рассматриваться как первоначальный. В то же время любое первоначальное изменение будет отражаться на других факторах. Изменения прогрессивного характера отражают способность общества воплотить в жизнь те или иные ценности. При этом имеют место три типа социальных процессов.

1. Дифференциация в обществе. Так, при переходе от традиционного крестьянского хозяйства к индустриальному типу хозяйства производство выходит за рамки семьи. Другой пример, приводимый Парсонсом: высшее образование ранее было церковным, затем произошел процесс отделения высшего образования от церкви. К этому мы можем добавить непрерывно идущий процесс дифференциации профессий, возникновения новых социальных слоев и классов.

2. Адаптивная реорганизация, т.е. организация, которая должна приспособить себя к новым условиям. Так, например, происходило с семьей, которая была вынуждена приспособиться к новым функциям в индустриальном обществе.

3. Третий тип социального процесса связан с трансформацией общества, когда это сообщество начинает включать в себя более широкий круг социальных единиц, становится более дифференцированным, сложным. Другими словами, общество постоянно усложняется и за счет появления новых элементов, и за счет умножения связей между ними и таким образом преобразуется. В итоге трансформация есть изменение совокупности качеств общества, его переход из одного качественного состояния в другое.

Здесь, по мнению Парсонса, возникает вопрос: до каких пор могут сохраняться прежние социальные единицы в новых условиях — например, традиционное сельское общество в условиях возрастающего доминирования городского, которое строится: а) по месту жительства; б) по месту работы. Конечный вывод Т. Парсонса таков: общество только тогда может нормально функционировать, когда укрепляется взаимозависимость его элементов и растет сознательный контроль за поведением индивидов, когда и механизмы, и структуры обеспечивают

устойчивость социальной системы. Общество является саморегулирующейся системой: ее функциями оказывается то, что укрепляет, консервирует структурную решетку общества, а то, что его расшатывает, разрушает, является дисфункциями, препятствующими интеграции и самообеспечению общества.

Анализ эволюции человечества приводит Парсонса к выводу о том, что в ходе развития от примитивных обществ к промежуточным и наконец от них к современным идет непрерывный процесс усложнения и роста адаптивной способности. Этот процесс сопровождается тенденцией к росту сознательного контроля за поведением индивидов, что в свою очередь позволяет решать главную проблему — интеграции общества (как тенденция).

В столь оригинальной концепции общества, плодотворной для раскрытия его внутренней структуры, в то же время есть и немало уязвимых сторон, давно подмеченных серьезными критиками. Традиционная критика системного подхода к обществу состоит в том, что этот подход недостаточно учитывает субъектность, творческую активность и свободу воли человека, низводя его до пассивного элемента системы. Главное, по их мнению, что в рамках данного подхода невозможно объяснить социальные изменения и конфликты. Правда, в рамках функционализма была предпринята (неоэволюционистская по своей направленности) попытка перенести акцент с изучения стабильных аспектов функционирования социальных устройств на анализ процессов развития, источник которых усматривался в возрастающей структурной дифференциации, т.е. в последовательном и поэтапном усложнении социальной структуры.

Роберт Мертон (1910–2003) подверг сомнению идею Парсонса о функциональном единстве общества. Он утверждал, что реальные общества не могут рассматриваться как слаженно функционирующие и полностью интегрированные социальные системы, и показал, что в современных социальных системах наряду с функциональными наличествуют дисфункциональные и нейтральные (по отношению к системе) институты. Тем самым он выступил против постулата о функциональности любого существующего социального института. Отсюда

следовал вывод о необходимости в равной степени анализировать как функциональные, так и дисфункциональные последствия элементов культуры. Степень интеграции в различных обществах различна. Мертон выразил несогласие и со взглядом Т. Парсонса на общую систему ценностей как предпосылку устойчивого и гармоничного состояния общества. Отношения между системой ценностей и социальной структурой общества весьма сложны. В силу разнородности общества в нем присутствуют разные системы ценностей. Это и приводит общество к конфликтам, подрывающим устойчивость нормативной структуры общества. Отсюда в обществе как социальной системе возникают явления дезинтегрированности ценностно-нормативных стандартов, или аномия. Под аномией Р. Мертон подразумевал социальные ситуации, не соответствующие определяемым культурой целям (например, организованная преступность в США в период Великой депрессии 1930-х гг., или, добавим, в 1990-е и 2000-е гг. в России). Аномия означает низкую социальную сплоченность как результат распада нормативного и ценностного согласия [Мертон, 1966, с. 299–313].

Теоретические конструкции Парсонса были подвергнуты критическому разбору видным независимым автором, «паршивой овцой» американского социологического сообщества Ч.Р. Миллсом. С его взглядами можно ознакомиться по переведенной книге «Социологическое воображение» (М.: NOTA BENE, 2001). Он считал, что: идея нормативного порядка «высокого теоретика» Парсонса направлена на фактическое признание легитимности всякой власти и гармонии интересов в любом обществе; теория социальной системы Парсонса является научным оправданием стабильных форм господства; под видом общих ценностей членов общества на самом деле утверждаются символы господства элиты. Он считал, что в мире преобладают общества, инкорпорирующие разнообразные ценностные ориентации, единство которых обеспечивается различными комбинациями легитимации и принуждений. Миллс строит шкалу — от социальных систем, располагающих универсальными основополагающими ценностями, до социальных систем, в которых доминирующий комплекс институтов, осуществляя тотальный контроль над членами общества,

навязывает свои ценности силой или угрозой ее применения. Отсюда следует многообразие реальных форм «социальной интеграции».

Вот итоговое суждение Ч.Р. Миллса: «Фактически никакую существенную проблему невозможно ясно сформулировать в терминах “Высокой теории”...Трудно представить себе более ничемного занятия, чем, например, анализ американского общества в терминах “ценностного стандарта”, “универсальности достижения” без учета понимания успеха, изменения его природы и форм, характерных для современного капитализма. Невозможно провести анализ изменения структуры самого капитализма, стратификационной структуры Соединенных Штатов в терминах “господствующей системы ценностей” без учета известных статистических данных о жизненных шансах людей в зависимости от величины их собственности и уровня доходов.

...при анализе поражения Германии во Второй мировой войне Парсонс направил огонь критики на социальную основу юнкерства как “явление исключительно классово привилегии” и анализирует состав германского государственного аппарата с точки зрения “классового подхода к его рекрутированию”. Короче говоря, неожиданно обнаруживаются и экономическая, и профессиональная структуры, которые осмысливаются в последовательно марксистских терминах, а не в терминологии... нормативной структуры» [Миллс, 2001, с. 56–57].

Однако при всей дискуссионности многих элементов теории Парсонса другой столь же целостной концепции общества как социальной системы никем не было выдвинуто. Не случайно, что после многих лет критики и всяческих опровержений в сложный переломный период в жизни человечества, в 1990-е гг., именно идеи Парсонса вновь выдвинулись на авансцену социологической мысли. При этом особое развитие они получили в направлении восполнения его теории концепциями демократии и гражданского общества.

Эту работу проделал прежде всего ученик Парсонса Джеффри Александер. Он считает, что после краха коммунистической системы вопросы демократии и гражданского общества становятся центральными моментами социологической деятельности. Демократия является необходимостью для об-

щества, эффективно управляемого. Этот тезис Т. Парсонса доказал свою живучесть. Только демократия может преодолеть трудности, связанные с деньгами и властью. В этой связи определяющее место в обеспечении стабильности и в то же время развития общества как социальной системы приобретает гражданское общество. Именно исторические факторы выдвинули на первый план теорию гражданского общества как особой сферы социальной системы (крах коммунизма, других форм тоталитаризма и авторитаризма). Гражданское общество — это не сфера власти, денег и экономической эффективности, это и не сфера семейных отношений или культуры. Гражданское общество — это внеэкономическая и внесоциальная сфера, предпосылка демократии. Сфера гражданского общества связана с неприкосновенностью личности и ее прав.

В гражданском обществе высоко значение коммуникативных институтов, которые организуют общественное мнение. Эти институты не обладают реальной властью, но у них есть невидимая власть. Один из ее механизмов — опросы общественного мнения. Спонтанность выбора опрашиваемых есть признак гражданского общества, свидетельство уважения граждан как носителей рациональности. Примером их влияния служит воздействие таких опросов на прекращение войны во Вьетнаме. Важную роль играют масс-медиа. Эти средства есть и в недемократических обществах, но только в демократических они становятся независимыми от других институтов, в том числе от государственных властей и корпораций. Хотя сами по себе они являются крупными капиталистическими предприятиями, они представляют общество как таковое. Если страна хочет иметь гражданское общество, то эти средства информации должны стать рамками для развития этого общества. К компонентам гражданского общества Дж. Александер также относит массовые социальные движения (например, экологические, за гражданские права и т.д.), стихийно возникающие группы людей, призванные защищать интересы конкретных слоев общества, независимые от государства учебные центры и др. [Александер, 2009, с. 3—17; 1992, с. 112—120; 1999, с. 186—205; Alexander, 2006].

Итак, на основе работ Т. Парсонса мы рассмотрели общество как социальную систему. Но как быть с бесконечным

процессом усложнения, упорядочения, усиления адаптации? Где предел этому процессу? Что следует за ним? Со времен Парсонса исследования шли в направлении анализа проблем неравновесности, нелинейности, необратимости и более высокой организованности.

1.4. Общество как сложная самоорганизующаяся система

Если во времена Т. Парсонса, как и до него (у К. Маркса, М. Вебера), в центре внимания были исследования равновесия систем, то в последней четверти XX в. произошел кардинальный поворот — к изучению неравновесности, непредопределенности поведения системы. За последние 20–30 лет основное внимание было сосредоточено на теории систем, находящихся в состоянии динамического хаоса, развиваемой лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным (1917–2003).

Его работы основывались на естественнонаучном материале. Но с самых первых публикаций многие социальные ученые восприняли его идеи как имеющие определяющее значение для развития теории общества как социальной системы. Очевидно, что общество относится к сложным самоорганизующимся системам, поэтому оно развивается по универсальным законам, открытым применительно к системам такого типа Пригожиным. Основные понятия из введенных Пригожиным, которыми придется пользоваться, — это *открытая система, нелинейность, порядок, хаос, точка бифуркации*.

Открытия Пригожина для социальных ученых и аналитиков оказались более чем своевременными. Современный глобализирующийся мир, наполненный опасностями, которые грозят самому его существованию, совсем не похож на стабильную устойчивую систему. Поэтому жизненно необходим переход от исследования способов равновесия социальных систем, предопределенности поведения систем (К. Маркс, М. Вебер, Т. Парсонс) к изучению непредопределенности их поведения. Каждое конкретное общество постоянно взаимодействует (сталкивается) с другими обществами — системами. На определенных этапах эти внешние воздействия приводят общество

в состояние неравновесности, когда падает устойчивость самого общества в силу внутренних причин.

Рассмотрим это поведение сложных самоорганизованных социальных систем на разных этапах истории или в обществах разного типа. Здесь для нас определяющей является категория «открытая система». Как известно, исходной общностью людей была первобытная родоплеменная община. Она была почти закрытой системой. Внешние воздействия на нее были минимальны. Поведение людей было строго регламентировано и почти не менялось от поколения к поколению. Предвидеть, что будет в этой закрытой системе и через 100, и через 500 лет, не представляло труда. Затем из родоплеменных систем выросли территориальные общины. Возьмем азиатское общество до потрясений, связанных с колонизаторскими завоеваниями со стороны Запада. Идут кровавые войны, гибнут древние государства, а внизу все та же неизменная земледельческая община. Открытые системы возникли на Земле в эпоху европейского Возрождения.

Открытые социальные системы с момента своего появления осуществляли свободный обмен всеми компонентами жизнедеятельности: людьми, идеями, товарами и т.д. Конечно, и поныне существуют так называемые задержанные общества, т.е. общества, отвергающие шанс превратиться в открытую систему. Это общества, в которых властные структуры сумели заблокировать каналы взаимодействия с внешней средой, прекратить инновационные процессы, остановить «подпитку» людьми, идеями, информацией, технологиями извне. Такой системой являлся СССР, и всем известно, чем это кончилось.

Однако внутри отдельных открытых социальных систем ситуация становится неуправляемой, так как многие процессы в современном глобализированном мире проходят в режиме реального времени. Воистину правящей элите впору бывает воскликнуть: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно». Но, увы, и со сменой ситуации сама элита перестает быть таковой. Риски, катастрофы, неустойчивость становятся повседневностью окружающего нас мира.

Опираясь на общую теорию систем, можно признать, что социальная система является сверхсложной, динамической, состоящей из большого числа взаимодействующих объектов, включая индивидов и отдельные общности. Сложные динамические

системы могут быть линейными и нелинейными. В первом случае система имеет одно стационарное состояние, она в процессе эволюции достигает состояния текущего равновесия, в котором производство энтропии, т.е. меры организованности системы, минимально; устойчивость стационарного состояния достигается автоматически. (В теории информации энтропия — мера недостатка информации в системе, через это понятие выражают также меру организованности системы. В социологии энтропия понимается как мера статистической неопределенности.)

Нелинейные системы, к которым относятся сложные самоорганизующиеся социальные системы, имеют неустойчивые стационарные состояния. Для них не действует теорема о минимуме энтропии; напротив, проходящие в таких системах неравновесные процессы ведут к росту энтропии, т.е. устойчивость состояния не обеспечивается автоматически. Возможность их неустойчивости — причина сложного поведения таких систем.

Сложные системы (в том числе социальные) неравновесны, неустойчивы. Они способны породить порядок и организацию из беспорядка и хаоса и, напротив, беспорядок и хаос из порядка и организации в результате процессов самоорганизации, в которых важнейшую роль играет случайность. Смысл подобных переходов состоит в поиске устойчивости, т.е. достижения такого состояния, при котором переходы между состояниями системы прекращаются. Проблема взаимоотношения порядка и хаоса и является центральной в понимании поведения сложных самоорганизующихся систем.

При анализе социальных систем чрезвычайно важно принять во внимание, что они флуктуируют, т.е. наблюдаемые параметры таких систем подвержены случайным отклонениям от средних значений. При этом если в области устойчивости флуктуации уменьшаются с течением времени до нуля, то в области неустойчивости они могут стать благодаря положительной обратной связи настолько сильными, что приведут к разрушению данной системы или организации. В такой критический момент — в точке бифуркации — достаточно малых воздействий на систему для того, чтобы она перешла из одного (ранее устойчивого) состояния, ставшего неустойчивым, в новое устойчивое состояние — на более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности и организации.

В системе существуют переходы между разными видами порядка, разными видами хаоса. Не все из этих переходов обладают одинаковой устойчивостью (с точки зрения стремления к максимальной устойчивости). Есть, однако, среди них такой переход, который соответствует принципу максимальной устойчивости. Этот переход и образует то, что можно назвать развитием системы. Итак, развитие в данной теоретической конструкции есть рост степени синтеза порядка и хаоса, обусловленный стремлением к максимальной устойчивости.

Все сказанное относится и к социальной системе — обществу, которое выступает как определенный синтез социального порядка и хаоса. Развитие общества — это процесс преодоления противоположности между порядком и хаосом. Социальные кризисы являются фактором перехода от порядка к хаосу. Восстановление же устойчивости происходит через выбор людьми одного из возможных путей развития. Выбор направления развития осуществляется как равнодействующая всех социальных сил, участвующих во взаимодействии по преобразованию общества. Здесь ключевое место занимают принципы отбора идеалов, на основе которых формируется новое общество как преобразованная социальная система с новыми каналами социализации, новой совокупностью социокультурных ценностей.

Переход от неустойчивости к устойчивости социальной системы требует проведения радикальных изменений в обществе. Проблема — в форме такого перехода. Многие общества осуществили радикальные изменения, избежав революции. Такой переход совершили США во время Великой депрессии, перейдя от традиционных форм индустриального капитализма к форме welfare state с доминированием среднего класса, и т.д. В странах Центральной и Восточной Европы переход от стэйтизма к демократии и капитализму также обошелся без кровавых потрясений, в форме по преимуществу «бархатных революций». Однако такие переходы могут приводить и к реставрации старой системы в новой оболочке, что, по-видимому, и случилось в большинстве бывших советских республик, включая Россию.

Другими словами, изменяющееся общество представляет собой неравновесную социальную систему, т.е. общество в ста-

дии, чреватой революционным действием. Должны быть приняты целенаправленные изменения, чтобы вернуть гомеостазис (устойчивое состояние) (см.: [Johnson, 1982]). Следует учесть, что во всех обществах устойчивое состояние, закрепленное мощью государства, сильным правлением, ведет к упадку, тормозит процветание и прогресс. Рост в истории наблюдался во времена и в местах смут. Это наблюдение сделал выдающийся экономист Фридрих Хайек, приведя в обоснование своего вывода развитие итальянских городов времен Возрождения и факты из истории Китая.

Возможности прогнозирования и управления развитием социальных самоорганизующихся систем связаны с применением целенаправленного воздействия в момент прохождения ими точки бифуркации (социальные кризисы).

Применение теории неравновесности, непредопределенности поведения сложных самоорганизующихся систем к социальному миру является заслугой прежде всего видного немецкого социального мыслителя Никласа Лумана (1927–1998). При этом он стремился придать дальнейшее развитие подходу к обществу как социальной системе, который сформулировал Т. Парсонс, учитель и предшественник Лумана. Последний считал воззрения позднего Парсонса, его теорию структурного функционализма единственной общей теорией, пригодной послужить базой для создания современного социологического подхода, который органично включил бы последние открытия в теории систем и кибернетике, основанные на результатах, полученных в естественных науках.

Н. Луман считал, что «по сравнению с дискуссией о теории в социологии, которая цепляется за классиков и присягает на верность плюрализму, в общей теории систем и связанных с ней междисциплинарных усилиях обнаруживаются основополагающие изменения, может быть, даже “научные революции” Куна. Создание теории в социологии могло бы весьма выиграть, присоединившись к такому развитию. Смена диспозиций в общей теории систем... в большей мере, чем обычно считается, отвечает теоретическим интересам социологии. Однако она требует определенной степени абстракции и усложнения...». По мнению Лумана, необходимо «переформулировать теорию

социальных систем на основе достигнутого уровня развития общей теории систем» [Луман, 2007, с. 22, 34].

В парсоновской концепции социальной системы Луман видел два существенных недостатка. Во-первых, в ней отсутствовала идея самонаправленности, а для Лумана способность общества обращаться к себе является определяющей для понимания его как системы. Идея самонаправленности становится центральной характеристикой социальных систем. Во-вторых, в концепции Парсонса отсутствует категория «случайности». По Луману, это приводит к невозможности адекватно анализировать современное общество как таковое, поскольку не включено предположение, что оно могло бы быть другим. Между тем это чрезвычайно важное обстоятельство, что отношение между подсистемами и сама система могли быть иными.

Социальные системы самоорганизуются в двух смыслах. Во-первых, они организуют свои собственные границы, различая то, что составляет систему, и то, что относится к внешней среде. Во-вторых, в пределах своих границ они производят свои собственные структуры. При этом социальные системы всегда менее сложны, чем внешняя среда. Системы должны уменьшать свою сложность, они не могут быть равными своей внешней среде по сложности, иначе они бы подавлялись внешней средой и не были бы способны функционировать. Среда постоянно предъявляет к системе новые требования, система путем самообновления воспроизводится с учетом этих требований. Современные общества справляются с возрастающей сложностью внешней среды с помощью процесса дифференциации. Дифференциация приводит к росту сложности системы и позволяет лучше реагировать на внешнюю среду, а также ускорить темп эволюции. Луман выделяет четыре формы дифференциации: сегментарную, стратификационную, центрально-периферийную и функциональную. Первая делит элементы системы на основе необходимости снова и снова выполнять одинаковые функции. Стратификационная — суть вертикальная дифференциация в соответствии с уровнем или статусом в системе, понимаемой как иерархия. Центрально-периферийная соединяет сегментарную и стратификационную дифференциации (например, сетевая организация транснациональной корпорации). Наконец, самая сложная форма

дифференциации — функциональная, преобладающая в современном обществе. Она допускает большую гибкость системы, однако, если одна функционально дифференцированная система не выполнит свою функцию, система в целом может разрушиться.

В настоящее время Н. Луман получил признание как самый значительный теоретик социальных систем. Несмотря на то, что его теория систем подвергается серьезной и обоснованной критике, тем не менее она стала одной из ведущих социальных теорий нашего времени в среде социологов.

Опираясь на изложенные общеконцептуальные предпосылки, приступим теперь к рассмотрению процессов трансформации посткоммунистических стран. Очевидно, что нам следует: 1) принимать во внимание эндогенные факторы, которые играют определяющую роль в трансформациях стран бывшего государственного социализма (несмотря на популярную риторику о влиянии глобального капитализма на посткоммунистические страны); 2) сосредоточиться прежде всего на внутренних механизмах самоорганизации. В результате мы обнаружим варианты (модели) развития, которые должны определяться с учетом исторической, культурной, экономической, политической и социокультурной специфики конкретных стран.

Изучение посткоммунистической трансформации общества не может проводиться в рамках линейного подхода. Фокус анализа должен быть направлен на изучение особенностей переходных состояний сложных систем, их самоорганизации. Согласно этому подходу общество как сложная система долго не может функционировать без серьезных инноваций (в широком смысле), реформ, потому что в процессе его развития в результате действий различных групп интересов (как ответа на существующие противоречия системы) происходит накопление несоответствий между параметрами системы, приводящее к нарастанию ее неупорядоченности (энтропии). По Пригожину, энтропия, достигнув критических значений, может стать источником новой упорядоченности, нового структурированного пространственно-временного поведения системы. Эти критические значения могут быть весьма далеки от классического равновесия, понятие которого широко используется в общественных науках.

Социальную трансформацию в контексте теории динамики открытых систем целесообразно рассматривать как процесс относительно быстрого изменения системных свойств общества, что служит ответом на исчерпание либо угрозу исчерпания ресурсов конкретной формы развития. Трансформация проявляется прежде всего как естественноисторический процесс, который подчиняется логике саморазвития и в который — по образному выражению П. Штомпки — «вмешиваются политические решения». В данном процессе однозначным является отказ от прошлых системных качеств и выход общества в поле притяжения множественных вариаций (форм и путей) развития [Куценко, 2004, с. 21].

Опираясь на основополагающие идеи теории синергетики, один из ведущих социологов-синергетиков О.Д. Куценко формулирует следующие основополагающие характеристики трансформирующихся обществ.

1. В трансформирующемся обществе преобладает состояние декомпозиции: в обществе проявляется и развивается собственная логика относительно его самостоятельных подсистем.

2. В трансформирующемся обществе может существовать множество вариантов структурирования общественных отношений, механизмов формирования и воспроизводства этих отношений.

3. В трансформирующемся обществе доминантную роль играют не столько целенаправленные процессы и причинно-следственные связи, сколько нелинейные процессы самоорганизации. Самоорганизация, согласно О.Д. Куценко, означает процесс формирования различных структур общества, который возникает спонтанно и проявляется скачкообразными переходами от неупорядоченности к новой упорядоченности, и наоборот. В возникающем процессе самоорганизации решающую роль играет не цепь причин и следствий, а шансы, которые обнаруживаются в результате ответов на внутренние и внешние возмущения. Здесь важно отметить, что содержание возникающих общественных форм становится следствием кооперативных действий людей и институтов, пытающихся реализовать свои интересы путем приспособления или преодоления структурных барьеров в соответствии с собственными представлениями о том, что хотим, что можем и как можем.

4. Важные с точки зрения понимания трансформирующегося общества кооперативные эффекты действий множества людей и институтов при достижении определенной величины приводят к согласованному движению подсистем и преобразовываются в совместный эффект самоорганизации. Таким образом, решающим в процессе изменений и общественной стабильности оказываются выборы людей в ситуации повседневности (а не решения элит). Если ориентации и правила взаимодействий в рамках существующих сетей выборов существенно отличаются от декларируемых институциональными формами, то может происходить инверсия институциональных форм под влиянием существующих сетей отношений. Таким образом, история предстает как результат действий социальных акторов, а не следствие какого-то определенного пути.

Исследования, проведенные на материалах различных обществ, показывают, что трансформация европейских обществ «государственного социализма», по сути, состоялась. Начали более определенно обозначаться основные социальные акторы, отношения между ними, структуры ценностей, правила доступа к ресурсам и их распределения и т.п. Вместе с тем в результате трансформации общества носят все еще неустойчивый «посткоммунистический» характер, их активное движение продолжается, но уже на новых фазах согласования, стабилизации, консолидации институтов и практик, которые проявили себя как наиболее успешные в новых общественных условиях. Результаты произошедшей трансформации бывших обществ «государственного социализма» остаются противоречивыми [Там же, 2004, с. 22–26].

Научное издание

Шкаратан Овсей Ирмович

Социология неравенства. Теория и реальность

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Т.Г. Беляева*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *О.А. Иванова*

Корректор *Т.Г. Беляева*

Подписано в печать 09.11.2011. Формат 60×90 1/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 29,5
Тираж 600 экз. Изд. № 1454

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

ISBN 978-5-7596-0913-5

9 785759 809135